

«ЕСЛИ НЕ ВСЕ [СЛОВА], ТО, ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ, СУТЬ ИХ»: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОММЕНТАРИЕВ К «НОВОЙ ЖИЗНИ» ДАНТЕ

Информация об авторе: Катерина Корбелла, научный сотрудник научно-исследовательского центра «Ф.М. Достоевский и мировая культура», Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

<https://orcid.org/0000-0001-5996-0127>

E-mail: cate.corbella@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается проблема соотношения интерпретации текста «Новой жизни» Данте Алигьери как определения его сути и комментариев к отдельным его отрывкам. Исходной точкой анализа послужила работа литературоведа Луиджи Валли «Тайный язык Данте и Верных любви» (1930 г.), в которой автор предлагает воспринимать итальянскую поэзию Средневековья как явление эзотерического характера. Анализ отдельных глав «Новой жизни», осуществленный Л. Валли, сопоставляется с комментариями, которые мы находим в более поздних изданиях под редакцией М. Коломбо (1993 г.) и Д. Пировано (2015 г.); эти издания привлекаются к рассмотрению как предлагающие читателю наиболее качественный комментарий среди изданий подобного типа.

Анализ избранных фрагментов рассказа демонстрирует стремление Валли найти для каждого элемента текста обоснование, которое не противоречило бы цельному толкованию произведения, а, наоборот, обогащало бы его. Этот процесс часто оставляет перед читателем открытые вопросы, призывая его в поисках ответов все дальше углубляться в текст. Герменевтической работе Валли противопоставляются современные издания: несмотря на изобилие представленного в них фактического материала, в большинстве случаев комментаторы не помогают читателю проникать в произведение в его целостности. Препятствует этому движению вглубь, прежде всего, постоянная попытка заставить читателя следовать одновременно по двум путям — биографическому и символическому.

В заключительной части, где рассматриваются высказывания каждого из трех авторов о сути «Новой жизни», показано, что расхождение биографического и символического в комментариях к отдельным фрагментам рождается от изначального искажения смысла, присущего распространённой интерпретации «Новой жизни» как пути от *eros* к *agape*. Подобное толкование не находит подтверждения в самом произведении, где Данте, напротив, настаивает на едином понятии любви — *amore*. Взгляд на произведение остается целостным в толковании Валли, согласно которому единственным языком, способным рассказать о истории любви как *amore*, является язык символов.

Ключевые слова: интерпретация, комментарий, Данте Алигьери, *Stil Novo*, Новая жизнь, *Fedeli d'amore*.

“IF NOT ALL [WORDS] THEN AT LEAST THEIR MEANING”:
COMPARATIVE ANALYSIS OF COMMENTARIES
ON DANTE’S *VITA NUOVA*

Information about the author: Caterina Corbella, Associate Researcher, Centre “Dostoevsky and World Culture”, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

<https://orcid.org/0000-0001-5996-0127>

E-mail: cate.corbella@gmail.com

Abstract: The article explores the relations occurring between the global interpretation of Dante’s *Vita Nuova* and the commentary to single passages of the text. The analysis contained in Luigi Valli’s book *The Secret language of Dante and the Faithful of Love* (1930), where the author invites the reader to look at Medieval Italian poetry as an esoteric text, is compared with contemporary editions commented by M. Colombo (1993) and D. Pirovano (2015).

The analysis of chosen passages from the text underlines Valli’s effort to find for each element in the text an explanation not only not contradicting, but also enriching the meaning of all the other details and of the global interpretation of the text. This kind of process often leaves open questions, stimulating the reader to go deeper in the text in order to find an answer. Commentary in contemporary editions differs from Valli’s hermeneutic work since authors frequently do not help the reader to enter the whole text, even if they offer him plenty of materials. The main hurdle for an in-depth reading can be found in their continuous offering the reader de facto two parallel ways: biographical and symbolical.

The final part of the article analyses examines the authors’ assertions about the essence of the *Vita Nuova*. It shows how the gap between biographical and symbolical elements that were found in the commentary rises from the original confusion that lies at the bottom of the common interpretation of the *Vita Nuova* as an itinerary from eros to agape. This statement does not find any textual confirmation in the book, where Dante on the contrary persists in using one term to indicate love — amore. Valli’s hypothesis, affirming that the only language able to speak about amore is a symbolical one, wins back a whole and united way to enter the book.

Keywords: interpretation, commentary, Dante Alighieri, Stil Novo, *Vita Nuova*, *Faithful of Love*.

Импульсом к моей работе явилась судьба литературоведа Луиджи Валли (Рим, 1878 — Терни, 1931) и особенно его книги 1930 года под названием «Тайный язык Данте и верных Любви». В ней он предлагает пересмотреть феномен итальянской любовной поэзии Средневековья — так называемое *Dolce Stil Novo*, «новый сладостный стиль» — как явления эзотерического характера. Опираясь на работы поэтов-филологов Уго Фосколо, Габриеле Россетти и Джованни Пасколи, он развивает мысль Россетти о существовании условного языка (арго) на основе любовной поэзии Средневековья, с помощью которого писатели выражали некое тайное содержание. Сразу заметим,

что Валли не претендует на окончательное определение этого содержания, и именно по этой причине в нем мы находим некую неточность выражения, и в зависимости от контекста это содержание приобретает статус мистической, герметической, религиозной и — реже — политической идеи. Ценность своей работы он видит (и мы с ним согласны) прежде всего в вопросах, которые он ставит, и в обилии материала, который он преподносит читателю как доказательство того, что в этой поэзии присутствует некая скрытая мысль, требующая расшифровки.

Валли резко выступает против современной ему критики, которую он определяет как «позитивистскую» и упрекает ее в том, что она рассматривает феномен любовной поэзии через призму биографического и эстетического подхода, таким образом сведя его к любовному приключению и литературной игре. Идеи Валли, хотя и получили в свое время немалый резонанс, остались в основном не принятыми итальянской литературной критикой, о чем свидетельствует пренебрежительная статья о нем в известной Дантовской энциклопедии. Однако там же признается заслуга Валли в том, что,

хотя он и пользовался путями часто двусмысленными и сегодня отвергнутыми, он смог сохранить живым <...> осознание важности и исторической ценности идеолого-религиозного слоя в дантовском шедевре и необходимости его целостного понимания как результата единого замысла (состоящего в том числе из аллегорических уровней) [Enciclopedia Dantesca: Valli, Luigi].

И, действительно, в современных комментариях к произведениям итальянских поэтов Средневековья аллегорический (или мистический, символический, религиозный) фактор проявляется в разной степени: однако никто среди официальных литературных критиков не захотел всерьез рассмотреть эти произведения как примеры не только аллегорического, но и эзотерического текста, что собственно и предполагают и Валли, и Россетти.

Камень преткновения в дискуссии о биографической или символической интерпретации любовной поэзии Средневековья — «Новая жизнь» Данте Алигьери, самое известное произведение Нового Сладостного Стиля, из которой родилась главная книга не только европейской, но мировой культуры — «Божественная Комедия». Этому произведению Валли посвящает целую главу своего исследования.

Главный герой произведения, кроме самого автора — это Беатриче, в которой Луиджи Валли обнаруживает символ Божественной Прему-

дрости. Он приводит основания для такого прочтения на предыдущих страницах книги, на которых он описал литературный и исторический контекст Нового Сладостного Стиля: из его трактовки следует, что поскольку все женщины, окружающие Беатриче, символичны и поскольку Беатриче сама в «Божественной Комедии» будет являться нам как символ Премудрости Бога, можно допустить гипотезу, что уже в «Новой жизни» она *прежде всего* символ¹. Тем самым Валли противоречит многочисленным исследованиям, которые брали за исходную точку анализа биографическую реальность Беатриче. Он находит подтверждение гипотезы в тщательном анализе произведения, чему, собственно, посвящена глава.

Спустя почти век комментаторы «Новой жизни» если и отказываются пользоваться чисто биографическим подходом к тексту, то все же не принимают символическое значение Беатриче за исходную точку анализа. Попробуем сейчас посмотреть на конкретных примерах, в чем состоит разница между подходами Луиджи Валли и современных комментаторов, чтобы выявить особенности каждого комментария и понять, какой из них лучше отвечает на вопрос о сути (*sententia*) текста, который Данте ставит в самом начале книжицы.

В качестве примера современного подхода к тексту я выбрала комментарии, содержащиеся в научном издании под редакцией Д. Пировано [Dante, 2015] и в научно-популярном издании под редакцией М. Коломбо [Dante, 2015a]. Этот выбор, с одной стороны, позволяет рассмотреть комментарий, обращенный к академическому сообществу, а с другой стороны, познакомиться с текстом, который можно обнаружить в руках обычного читателя или итальянского школьника. Академический текст вышел в 2015 году, научно-популярное издание в 1993, и им активно пользуется большая читательская аудитория. Мы полагаем, что оно — наиболее информативное и предлагающее читателю наиболее качественный комментарий среди изданий своего типа².

¹ Под словом «окружающие» я, как и Валли, имею в виду женщин других поэтов Нового сладкого стиля: Г. Кавалканти, Ф. Да Барберино, Д. Буонкомпаньи, и т.д. См. [Valli, 1994].

² Все цитаты «Новой жизни» на итальянском приводятся по критическому изданию под редакцией М. Barbi [Dante, 1932], на котором основаны издания Коломбо и Пировано. Русский перевод цитат приводится в переводе И.Н. Голенищева-Кутузова, за исключением отдельных случаев, требующих дословного перевода. Например — «суть» вместо «смысл» в первой цитате. В цитатах слова, набранные курсивом, выделены автором, а слова, набранные жирным шрифтом, выделены нами.

* * *

I. In quella parte del libro de la mia memoria, dinanzi a la quale poco si potrebbe leggere, si trova una rubrica la quale dice: «Incipit vita nova». Sotto la quale rubrica io trovo scritte le parole le quali è mio intendimento d'assemblare in questo libello; e se non tutte, almeno la loro sentenza³.

Память — книга. Данте — как и все Средневековье — широко использует эту метафору: как книгу можно увидеть не только память, но и жизнь человека, историю, всю реальность. Для средневекового человека книга — очень конкретная вещь, и Данте обогащает эту метафору с помощью технических слов *rubrica* [«заглавие»], *incipit* [«начинается», устойчивая форма на латинском языке, которая указывает на начало произведения], *assemblare* [буквально «переписывать с образца»]. От этой метафоры отталкиваются комментарии Пировано и Коломбо на первые слова «Новой жизни». Оба отмечают, что в ней нет никаких указаний на то, чтобы прочесть название произведения в биографическом ключе, т.е. провести параллель между «Новой Жизни» и юностью Данте, на чем настаивала большая часть исследователей и комментаторов во времена Валли. Название «Новая жизнь» указывает прежде всего на духовное обновление, произошедшее в жизни Данте в момент встречи с Беатриче. Слово-сочетание *vita nuova* обладает сильными коннотациями в христианской культуре, и оно «с самого начала произведения сообщает читателю о том сакральном фоне, в который текст вписывается» [Dante, 2015, p. 78]: мы призваны услышать «эхо длинной традиции, которая начиная с псалмов и заканчивая апостолом Павлом и Витторини говорит о *renovatio* [обновлении] человека через освящение Благодатью» [Dante, 2015a, p. 21].

Полностью привожу комментарии Валли к этому месту:

Во всех мистерияльных и посвячительных кругах, начиная с античных мистерий и заканчивая посвячительными сектами, и также в Христианстве, и древнем, и современном, посвящение всегда понималось как «обновление жизни», как «возрождение», как начало второго существования, т. е. как начало «новой жизни». Это настолько

³ «В том месте книги памяти моей, до которого лишь немногое можно было бы прочесть, стоит заглавие, которое гласит: *Incipit vita nova* [начинается новая жизнь, лат.]. Под этим заглавием я нахожу записанными слова, которые я намереваюсь передать в этой книжице, если и не все, то, по крайней мере, суть их».

очевидно и общеизвестно, что мы не будем утомлять вас примерами <...>. Таким образом, интерпретатор «Новой Жизни» как жизни обновленной, прошедшей посвящение, находится в согласии со всей тысячелетней традицией [Valli, 1994].

Похожие слова скрывают совершенно разное понимание текста и подхода к нему. Если мы внимательно прочитаем слова Валли, то заметим, что речь здесь не идет об «эхе длинной традиции» или о «сакральном фоне произведения»: название произведения говорит о самой его сути — оно является рассказом о пути посвящения. Для Пировано и Коломбо «новая жизнь» указывает на некое общее, неопределенное «обновление», происходящее в личности Данте. Его зависимость от какого-либо внешнего контекста (культурного, исторического, религиозного) определяется на уровне отголоска. Наоборот, Валли конкретизирует смысл заглавия, который намекает на путь посвящения или инициацию. Этот контекст мы и призваны исследовать.

Разница в подходах становится очевидной в комментировании фразы «до которого лишь немного можно было бы прочесть». Первоначально отказавшись от прочтения «новой жизни» как юности, Пировано и Коломбо были вынуждены вернуться к биографическим категориям для объяснения данного отрывка. Это — «скорее всего аллюзия на детские воспоминания» [Dante, 2015, p. 77], память о которых утрачена, поскольку «как Аристотель напоминает <...> ребенок не обладает постоянной памятью» [Dante, 2015a, p. 33].

Будучи верным своей гипотезе о существовании эзотерического арго, бытовавшего среди итальянских поэтов Средневековья, Валли обращается к работе Франческо Да Барберино «Документы Любви» (начало XIV в.). Он посвящает целую главу этому странному тексту, называя его главным учебником «верных Любви» — так эти поэты звали друг друга. Книга состоит из трех частей: малопонятные стихотворения (на народном итальянском языке), комментарии (на латинском языке), иллюстрации к тексту. О нем здесь достаточно знать только то, что в этом тексте задача Любви пробудить двенадцать спящих добродетелей. Важно отметить, что в конце книги автор добавляет маленький текст в качестве глоссы под названием «Tractatus amoris et operum eius» [Barberino, 1905–1927, v. 4, p. 407].

В трактате содержится важная иллюстрация работы Любви (*operum eius*): мы видим Любовь (или Amor) на белом коне и под ней тринадцать фигур. Их надо разделить на 6 + 1 + 6: изображение чита-

ется зеркально⁴. Первые две фигуры, справа от Амора, «религиозный» и «религиозная»: им слева соответствуют «мертвый» и «мертвая». Остальные фигуры на левой стороне — женского рода, на правой — мужского. Последняя, центральная фигура — андрогин: над ним написано «*mogliera e marito*» [«жена и муж»]:

На данном изображении можно обнаружить много интересного. Заметим, что смертью называют первый этап алхимической работы — стадию нигредо⁵. Нас здесь интересует третья фигура (или вторая, если будем считать «мертвый» и «мертвая» как одно): девочка и мальчик (*fanciulla* и *fanciullo*). Они изображают начало «новой жизни», поскольку до них стоят взрослые мертвые фигуры. В тексте находится стихотворный комментарий, относящийся к мальчику:

Io son ferito e non so ben perché
ma credo che mi diè quella donzella
di cui **memora** piangendo favella⁶
[Barberino, 1905–1927, v. 4, p. 407]

Мальчик точно не знает, что случилось (т.е. не помнит), но память (*memora*) говорит навзрыд о девушке: наверное, она сразила его. Встреча с Божественной Премудростью — начало пути посвящения, на котором человек вновь становится мальчиком. Эта встреча влияет прежде всего на память, которая остается раненой. О том же говорил еще один итальянский поэт, друг Данте, тот, кому посвящена вся «Новая Жизнь» — Гуидо Кавалканти. В его известной канцоне «Donna

⁴ В своем описании Валли считает 7 + 7, но, мне кажется, надо считать андрогина как одну фигуру.

⁵ На что Валли не указывает. Для него «мертвый» и «мертвая», как и «религиозный» и «религиозная», исключительно отрицательные фигуры.

⁶ «Я сражен, и не знаю точно почему, / но верю, что меня сразила та девушка, / о которой говорит моя память навзрыд». Перевод мой.

me prega» [«Женщина меня умоляет»] он пытается объяснить природу Любви, и пишет:

In quella parte — dove sta *memora*
prende suo stato <...>⁷

В свете данных цитат слова о неспособности Данте прочесть свою раннюю память приобретают новый смысл, напрямую связанный с прочтением «новой жизни» как обновленной жизни: символическому значению заглавия соответствует символическое значение деталей. Более того, эти цитаты указывают не только на новое значение, но и гораздо глубже: перед читателем открываются новые вопросы, новое поле исследования.

С самого начала произведения можно обнаружить особенности комментария Валли: он нацелен на поиск конкретного, цельного толкования произведения, и именно благодаря этому желанию целостности он оставляет после себя открытые вопросы, требующие углубления.

* * *

II. [1] Nove fiate già appresso lo mio nascimento era tornato lo cielo de la luce quasi a uno medesimo punto, quanto a la sua propria girazione, quando a li miei occhi apparve prima la gloriosa donna de la mia mente, la quale fu chiamata da molti Beatrice, li quali non sapeano che si chiamare. [2] Ella era in questa vita già stata tanto, che ne lo suo tempo lo cielo stellato era mosso verso la parte d'oriente de le dodici parti l'una d'un grado, sì che quasi dal principio del suo anno nono apparve a me, ed io la vidi quasi da la fine del mio nono. [3] Apparve vestita di nobilissimo colore, umile ed onesto, sanguigno, cinta e ornata a la guisa che a la sua giovanissima etade si convenia⁸.

⁷ Где память обитает, там / [Любовь] приобретает свое место.

⁸ «Девятый раз после того, как я родился, небо света приближалось к исходной точке в собственном своем круговращении, когда перед моими очами появилась впервые исполненная славы дама, царящая в моем уме, которую многие — не зная, как ее зовут, — именовали Беатриче. В этой жизни она пребывала уже столько времени, что звездное небо передвинулось к восточным пределам на двенадцатую часть одного градуса. Так предстала она предо мною почти в начале своего девятого года, я же увидел ее почти в конце моего девятого. Появилась облаченная в благороднейший цвет, скромный и благопристойный, кровавый, украшенная и опоясанная так, как подобало юному ее возрасту».

В то время как Валли считает вопрос об историчности Беатриче второстепенным⁹, Пировано и Коломбо в своих комментариях на этот отрывок уделяют значительное место персоне Биче Портинари, придерживаясь традиции, идущей от Джованни Боккаччо.

В трактовке этого вопроса очевидно проявляется глубокая двусмысленность комментария Пировано и Коломбо, которая далее будет присутствовать на протяжении всей их работы. С одной стороны, во введении к произведению Данте, они призывают читателя не подходить к тексту как к биографическому документу: книжица — это не копия аутентичной экзистенциальной памяти, но смесь памяти, воображения и поэтики автора — предупреждает Коломбо [Dante, 2015a, p. 33], а Пировано напоминает, что «критерий правдоподобия, которым пользовался Данте, — это не повод для того, чтобы думать о «Новой жизни», как о биографическом документе. Она отвечает литературной, а не исторической истине» [Dante, 2015, p. 8]. С другой же стороны, постоянное оперирование Пировано и Коломбо биографическими категориями в комментариях к отдельным отрывкам подталкивает читателя именно к такому прочтению.

Приведу пример из комментариев к этому отрывку.

В этом абзаце в первый раз появляется число «9». Пировано и Коломбо, прежде всего, дают читателю исчерпывающую информацию о значении этого числа в Священном Писании. Сразу после этого они стараются с помощью этого числа обнаружить реальную дату встречи Данте с Беатриче. Вся данная ими информация полезна, но проблема состоит в том, что читатель находится перед двумя разными путями, не связанными между собой: символическим и биографическим. Они представляются ему как две параллели, которые никогда не пересекаются.

Но самый яркий случай встречается в трактовке прилагательного *sanguigno* [кровавый]:

II. [3] Apparve vestita di nobilissimo colore, umile e onesto, **sanguigno**,
<...>¹⁰

Данное прилагательное Данте помещает на самое видное место — оно, последнее среди тех, которые характеризуют одежду Беатриче,

⁹ «Когда вы убеждены в том, что на некоторой картине художник хотел изобразить символ, если вы обстоятельные люди, вам интересно узнать, какую идею он хотел выразить, и только если у вас будет лишнее время, вы начнёте искать фамилию модели» [Valli, 1994].

¹⁰ «Появилась облаченная в благороднейший цвет, скромный и благопристойный, кровавый»

стоит в одиночестве после запятой. Более того, это лишь его первое появление: оно будет повторяться неоднократно на протяжении всего рассказа. При толковании данного отрывка Коломбо отсылает к значению красного цвета как цвета благородства, страсти и любви. Однако — как она объясняет — для описания одеяний Беатриче Данте выбрал не ярко-красный цвет, что не соответствовало бы «скромности» молодой девочки, а кровавый цвет, т.е. темно-красный [Dante, 2015a, p. 35]. Нетрудно увидеть глубокую десемантизацию прилагательного: при таком прочтении оно теряет всякую отсылку к крови, и его значение сводится к проблеме нравственной умеренности. Пировано предлагает примерно такое же объяснение, однако в своем комментарии он поступает очень странным образом¹¹.

Прежде всего, он выступает против предложения критика Дж. Барбери-Скуаротти, который подчеркнул литургическое значение красного цвета (цвет облачения в Страстную пятницу и на праздниках святых мучеников), и причину своего отрицания Пировано находит в том, что «такое толкование слишком отчетливо выявляет скорбное значение цвета *sanguigno*»: в отличие от Коломбо, он уже открыто говорит о десемантизации слова *sanguigno* как о единственном способе комментировать этот отрывок. Все же в заключение он приводит две ссылки на Св. Писание: Откр. 19:13 и Ис. 61:1. Приведем полностью оба отрывка на латинском языке:

Et vestitus erat veste aspersa sanguine¹².

Quis est iste qui venit de Edom *tinctis vestibus* de Bosra iste formosus in stola sua gradiens in multitudo fortitudinis suae ego qui loquor iustitiam et propugnator sum ad salvandum, quare ergo *rubrum est indumentum tuum* et vestimenta tua sicut calcantium in torculari. Torcular calcavi solus et de gentibus non est vir mecum calcavi eos in furore meo et conculcavi eos in ira mea et *aspersus est sanguis eorum super vestimenta mea* et omnia indumenta mea inquinavi¹³.

¹¹ Здесь и дальше см. [Dante, 2015, pp. 79–80].

¹² «Он был облечен в одежду, обгавленную кровью» (Откр. 19:13).

¹³ «Кто это идет от Едома, в червлёных ризах от Восора, столь величественный в Своей одежде, выступающий в полноте силы Своей? «Я — изрекающий правду, сильный, чтобы спасти». Отчего же одеяние Твое красно, и ризы у Тебя, как у топтавшего в точиле? «Я топтал точило один, и из народов никого не было со Мною; и Я топтал их во гневе Моём и попирал их в ярости Моей; кровь их брызгала на ризы Мои, и Я запятнал все одеяние Свое» (Ис. 61:1).

Цитаты даны читателю вне всякого объяснения, и он не знает, как они связаны с рассказом. Более того, в данных цитатах речь идет именно о *пролитой крови*, и именно этот компонент значения *sanguigno* Пировано отвергнул на предыдущей странице комментария. Вновь перед нами два уровня: с одной стороны, читателю дано биографическое (точнее, реалистическое, в данном случае) прочтение текста, с другой стороны, ему дается обширная информация о символике повествования и о его возможном библейском фоне, но связь между двумя уровнями не прослеживается. Если в большинстве случаев данный подход производит лишь впечатление недосказанной или неразвитой мысли, то здесь чувствуется его несостоятельность: два уровня явно противоречат друг другу.

Понятно, почему так трудно комментатору соединить эти два уровня рассказа: Данте-поэт по-настоящему биографичен, это видно, в том числе, в «Божественной Комедии». В «Новой Жизни» он с самого начала объявляет, что речь идет о книге его памяти, хотя рассказ переполнен странными деталями, говорящими о том, что он эти воспоминания модифицировал. Перед комментатором стоит вопрос о том, как и в какой мере он их модифицировал.

В связи с этим вопросом, современные комментаторы отталкиваются от чувственной жизни Данте, которую, по их мнению, он частично изменяет и обогащает символами и реминисценциями. Есть биография, и есть второй уровень, уровень символики.

Толкование Луиджи Валли отличается тем, что для него текст «Новой Жизни» по-настоящему биографичен во всех своих компонентах. Рассказ о новой жизни — повествование о реальной произошедшей истории: истории любви Данте к Божественной Премудрости и о той группе людей, вместе с которыми он разделил эту любовь. Символика — естественный язык для выражения подобного духовного опыта. Если это так, мы призваны понять, как эта символика работает. Однако мы можем полностью доверять словам Данте о том, что эта книжица передает написанное в его памяти.

С этой точки зрения Луиджи Валли комментирует и первое появления числа 9, которое для него указывает на символический возраст начала инициации [Valli, 1994, XI.2]: он приводит читателю разные свидетельства о значении числа 9 в некоторых эзотерических кругах, в том числе и у тамплиеров. Через число 9, как и через слова «память» и «новая жизнь», Данте действует в хорошо определенном контексте. Более того, иллюстрация Барберино подготавливает читателя Валли к первой встрече Данте и Беатриче: им по 9 лет — они *мальчик и девочка*.

Встреча с Беатриче — новое рождение, которое следует за смертью, событие, происходящее на пути посвящения. В этот контекст вписывается также слово *sanguigno*: кровавый цвет указывает на мученичество Божественной Премудрости, это цвет «кровавой» истории войн и преследований. Достаточно вспомнить, что время создания «Новой жизни» (1293–1294) — это промежуток между Альбигойским крестовым походом (1209–1229) и уничтожением ордена Тамплиеров (1312–1314). Валли не приводит никаких библейских цитат, но легко увидеть, как цитата, обнаруженная Пировано, приобретает смысл и цельность благодаря его толкованию.

* * *

Поворотный момент своей поэтики Данте видел в канцоне «Donne, ch'avete intelletto d'amore» («Дамы, что разумом любви владеют») [V.n., XIX, 4]. Важность этой канцоны нельзя ограничить только микрокосмосом «Новой жизни»: именно это стихотворение вспоминает поэт Бонаджунта да Лукка в Чистилище для того, чтобы подчеркнуть новизну Данте на фоне итальянской поэзии Средневековья¹⁴.

Этим стихотворением начинается так называемая «поэтика восхваления»: Данте перестает здесь размышлять о бедах или несчастьях, происходящих с ним в отношениях с Беатриче, для того, чтобы сосредоточиться на восхвалении своей дамы. Здесь происходит важный сдвиг центра внимания — от самого себя к женщине, и он не происходит незаметно: канцоне предшествует длинный разговор с разными дамами, которые ставят ему в укор именно тот факт, что он до сих пор не восхвалял женщину, а лишь жаловался о своем состоянии.

Этот сдвиг, как и важность этой канцоны, чувствуют все комментаторы. Однако толкования стихотворения сильно отличаются. Валли в ней обнаруживает глубокое богословское содержание и ставит его рядом с двумя шедеврами Нового Сладостного Стиля «Al cor gentil rempaira sempre amore» («В благородном сердце всегда пребывает любовь») Гуидо Гуиницелли и «Donna me prega» («Женщина меня умоляет») Гуидо Кавалканти. Эти три произведения Валли считает созданными для точной передачи определенной доктрины [Valli, 1994]. Для Пировано и Коломбо все цитаты и реминисценции Священного Писания и богословского дискурса являются только риторическими приемами для того, чтобы подчеркнуть необыкновенную природу

¹⁴ «Ma di s'i' veggio qui colui che fore / trasse le nove rime, cominciando / 'Donne ch'avete intelletto d'amore'» (Pg XXIV, vv. 49–51).

Беатриче и ее благодатное влияние на Данте и на всех окружающих [Dante, 2015, pp. 157–170; Dante, 2015a, pp. 97–105].

Сосредоточимся сейчас на второй строфе канцоны. Заметим, что наш анализ не является лишь пересказом толкования Валли, а попыткой нового толкования на основе тех элементов, которые Валли дает читателю. В том числе, Валли частично ссылается на толкование другого критика (и поэта) Дж. Пасколи [Pascoli, 1913] на которое и мы будем ссылаться¹⁵.

<...>
Небо, у которого *нет нехватки,*
кроме нехватки Беатриче, про-
сит ее у Господа,
и святые просят о благодати ее
присутствия.

Только Милосердие нас защища-
ет, и Господь, Который понимает при-
роду Беатриче, говорит:

«Мои дорогие, мучайтесь сми-
ренно от того, что ваша надежда пока
находится там, *где человек ожидает ее*
потери.

Этот человек скажет в Аду: “Про-
клятые,
я видел надежду блаженных”.

<...>

<...>
Lo cielo, che *non have altro difetto*
che d'aver lei, al suo signor la chiede,
e ciascun santo ne grida merzede.

Sola Pietà nostra parte difende,
ché parla Dio, che di madonna
intende:

«Diletti miei, or sofferite in pace
che vostra spene sia quanto me
piace

là ov' è alcun che perder lei s'attende,
e che dirà ne lo inferno: «O malnati,
io vidi la speranza de' beati».

<...>

Все размышления Пасколи отталкиваются от этой строфы, точнее, от этой последней фразы — «я видел надежду блаженных», со ссылкой на апостола Павла:

Ибо мы спасены в надежде. Надежда же, когда видит, не есть надежда; ибо если кто видит, то чего ему и надеяться? Но когда наде-
мся того, чего не видим, тогда ожидаем в терпении (Рим. 8:24–25).

Не всем современным читателям ссылка очевидна при первом чтении текста, но, если вспомнить о ней, то отрицать ее присут-

¹⁵ При анализе стихотворения в некоторых случаях мы решили ставить в виде таблицы текст на итальянском языке и подстрочный перевод на русском, чтобы подчеркивать некоторые слова, которые теряются в переводе И.Н. Голенищева-Кутузова.

ствии в тексте затруднительно, благодаря яркому словосочетанию «видеть надежду». Для современников Данте — особенно для образованных современников — трудно было не почувствовать удивление от «сначала странного, но затем гениального словоупотребления» [Pascoli, 1913, p. 38].

Словоупотребление странно, поскольку именно слова апостола служили основанием для всего учения Фомы Аквинского о надежде. Он пишет, как она не находится ни в раю, ни в аду: надежда, как и вера, — добродетель земли: у блаженных нет никакой надежды¹⁶. На это собственно и ссылается сам Данте, когда он утверждает, что единственная нехватка неба в том, что в нем нет Беатриче. Это словоупотребление гениально, потому что кажущееся противоречие на самом деле является глубоким богословским размышлением о природе Надежды и Премудрости.

Связь между Надеждой и Премудростью мы находим в книге св. Августина «Contra Faustum», где он говорит, что Премудрость на земле определяется как «*spes eternae contemplationis*», «надежда на вечное созерцание»¹⁷. Размышления св. Августина связаны с толкованием библейского рассказа об Иакове и Рахили, в чем он видит историю любви души человека к божественной Премудрости. Становясь чистым созерцанием Божественного лика, Премудрость превосходит наш мир: она умирает, чтобы исполниться, и таким же образом умирает Рахиль при рождении Вениамина.

В русском переводе И. Н. Голенищева-Кутузова мы читаем: «там некто утратить ее [Беатриче] *страшится*» [Данте, 1968, с. 4, 26]. В оригинале речь идет не о страхе, а о ожидании: некто на земле *ожидает* утратить ее. В свете истории Рахили становится понятнее не только использование в данном стихотворении глагола *aspettare*, ожидать, но также такая особенность текста, которую все комментаторы «Новой жизни» всегда замечали: вся первая часть книги является своего рода

¹⁶ «Contra est quod Apost. dicit ad Rom. 8: Quod videt quis, quid sperat? sed beati fruuntur Dei visione; ergo in eis spes locum non habet... cum beatitudo iam non sit futura sed praesens, non potest ibi esse virtus spei; et ideo spes, sicut et fides, evacuatur in patria, et neutrum eorum in beatis esse potest... Evacuata spe in beatis, secundum quam sperabant sibi beatitudinem, sperant quidem aliis beatitudinem, sed non virtute spei, sed magis ex amore charitatis... — Ad conditionem miseriae damnatorum pertinet, ut ipsi sciant, quod nullo modo possunt damnationem evadere... unde patet, quod non possunt apprehendere beatitudinem ut bonum possibile, sicut nec beati ut bonum futurum; et ideo neque in beatis, neque in damnatis est spes; sed in viatoribus, sive sint in vita ista, sive in purgatorio, potest esse spes... magis potest esse fides informis in damnatis, quam spes» (Tommaso d'Aquino, *Summa Theologiae*). Цит. по [Pascoli, 1913, p. 38].

¹⁷ S. Agostino, *Contra Faustum*. Цит. по [Pascoli, 1913, p. 41].

пророчеством о смерти Беатриче, и множество деталей в тексте отсылает именно к этому. Беатриче-Рахиль, надежда вечного созерцания, призвана умереть, чтобы Данте достиг нового уровня бытия, и он об этом знает с самого начала рассказа.

Множество деталей приобретают смысл, когда мы соглашаемся с тем, что Беатриче — «*spes aeternae contemplations*». Например, в самом начале Данте утверждает, что о Премудрости можно говорить только с некоторыми; её полноту невозможно выразить и при разговоре о ней всегда есть риск ошибиться, поэтому и нельзя о ней говорить с непосвященными.

Дамы, которые разумом любви владеют,

я хочу говорить о своей женщине с вами

не потому, что я думаю, что я смогу восхвалить ее до конца, но чтобы дать выход уму.

<...>

Не хочу говорить о ней слишком возвышенно

из-за страха показаться трусом.

Я расскажу о ее благородстве

Непринужденно,

вам, возлюбленные дамы,

потому что об этом нельзя говорить с другими.

Donne, ch'avete intelletto d'amore,
i' vo' con voi de la mia donna dire,
non perch'io creda sua laude finire,
ma ragionar per isfogar la mente

<...>

E io non vo' parlar sì altamente,
ch'io divenisse per temenza vile;
ma tratterò del suo stato gentile
a rispetto di lei leggermente,
donne e donzelle amorose, con vui,
ché non è cosa da parlarne altrui.

Когда она являет себя на земле сердце каждого человека становится смиренным и в нем умирают злые помыслы: «И та, что благородной стать стремится, / пусть по дорогам следует за ней, / сердца презренные сжимает хлад. / Все низменное перед ней смутится»¹⁸. Более того, встреча с ней столь важна для человека, что «спасется тот, с кем дама говорила»¹⁹: сейчас мы можем утверждать, что здесь Данте никак не преувеличивает и не идеализирует фигуру Беатриче. Он еще раз ссылается на апостола Павла: «ибо мы спасены в надежде».

Нетрудно видеть в стихе о посещении Ада (*dirà ne lo inferno*)

¹⁸ «Dico, qual vuol gentil donna parere / vada con lei, chè quando va per via, / gitta nei cor villani Amore un gelo, / per che onne lor pensiero agghiaccia e père».

¹⁹ «Ancor l'ha Dio per maggior grazia dato / che non pò mal finir chi l'ha parlato».

пророчество о великом произведении зрелости. Многие современные критики (в том числе Пировано и Коломбо) поспешили этот факт отрицать²⁰. Но интересно заметить, что размышления о данном стихотворении могут идти еще дальше, если мы привлечем содержание «Божественной Комедии» и учение святого Фомы Аквинского о том, что в Раю исчезают «путевые» добродетели Веры и Надежды, а остается лишь Любовь.

Однако именно потому, что у блаженных Любовь совершенна, они желают, чтобы люди, живущие на земле, тоже смогли достичь вечного созерцания Бога. Благодаря этой мысли можно понять слова о «надежде блаженных»: их надежда вечного созерцания исполнена, но они надеются на свершение надежды для других. Данте будет неоднократно возвращаться к этой теме: «От них, великий Боже, огради / не нас, укрытых сенью безопасной, / а тех, кто там остался позади»²¹, — говорят молящие души в Чистилище.

Еще один интересный факт. В «Божественной Комедии» становится ясно, что исходная точка любви блаженных и надежда идущих (то есть, исходная точка Беатриче) — Богородица:

Qui se' a noi meridiana face
di caritate e giusto, intra i mortali,
se' di speranza fontana vivace²².

Мы кратко продемонстрировали, по какому пути может нас повести узнавание цитаты апостола Павла о надежде в словах Данте. Тем не менее, ни Пировано, ни Коломбо не приводят данную цитату, несмотря на то, что здесь отсылка намного очевиднее, чем в предыдущем случае, когда Пировано предлагал нам библейские цитаты, связанные со словом *sanguigno*. Пировано пишет, что «по поводу этой небесной хвалы нет нужды указывать на возможные богословские дерзости или несоответствия, потому что все здесь объясняется процедурой гиперболизации» [Dante, 2015, p. 161]; Коломбо утверждает, что

²⁰ Причины отрицания связаны с проблемой датировки «Новой жизни» — это очень спорный вопрос, в который здесь не будем углубляться. На самом деле, многие детали текста приобрели бы смысл, если допустить гипотезу о поздней редакции произведения. Но для данной гипотезы нет никаких оснований в рукописях.

²¹ «Quest'ultima preghiera, signor caro / già non si fa per noi, chè non bisogna / ma per coloro che dietro a noi restaro» (Pg. XI, vv. 22–24).

²² Русский перевод М. Лозинского [Данте, 1967]: «Здесь ты для нас — любви полдневный миг; / а в дольном мире, смертных напоая, / ты — упования живой родник» (Рай XXXIII, 10).

«эта формула библейского колорита есть метафора, согласующаяся и с прочими метафорами этих стихов» [Dante, 2015a, p. 100]. То есть, для них речь идет о гиперболизации (в других случаях оба будут говорить об идеализации или преображении) первоначального опыта любви к Беатриче с помощью отголосков, символов, реминисценций из религиозной сферы. Еще раз, с их точки зрения — перед нами текст, разделяющийся на два компонента: реальная история Данте и Беатриче, с одной стороны, и с другой — какой-то библейский слой, который к этой истории добавляется впоследствии, чтобы передать читателю уже нечто другое.

К сожалению, от комментариев рождается впечатление, что комментаторы сознательно не приводят цитату из апостола Павла: «нет никакой нужды указывать на возможные богословские дерзости» [Dante, 2015, p. 161]. Резкий, но справедливый упрек Валли литературоведам своего времени подходит и в данном случае:

Поражает, что, когда критики-реалисты собираются объяснять эту песнь (которая, очевидно, в замысле Данте имела глубокий смысл, понять который могли немногие), и объясняют нам, что женщины, которые имеют любовный интеллект суть... женщины, которые понимают любовь, что ангел, который желает Беатриче на небесах ... это ангел, который желает Беатриче на небесах, что благотворные действия Беатриче... это благотворные действия, производимые Беатриче Портинари и так далее. Их претензии на объяснение этого стихотворения, которое, как заявляет Данте, трудно понять, ни что иное как буквальное повторение его внешних понятий с некоторыми разъяснениями и модернизацией терминов, так что Данте, подразумевая, что это стихотворение было глубоким и трудным, просто сказал большую глупость [Valli, 1994].

* * *

После поворотного момента предыдущей канцоны Данте перестает говорить о своем состоянии и берется за восхваление своей женщины. В частности, он пишет два сонета, где описывает действие Беатриче на прохожих и на женщин ее сопровождающих. Мы не будем уделять внимания этим стихотворениям, но по ходу дела заметим, что в комментариях к ним у разбираемых нами авторов присутствует все та же дуальность: библейский, религиозный, традиционный элемент может восприниматься как прием для гиперболизации — или же как язык, присущий тому учению, которое писатель хочет нам передать.

После этих двух сонетов Данте принимает решение написать канцону о том, как Беатриче воздействует на него, но после первой строфы его перебивает не новость о смерти Беатриче, что было бы нормально и понятно, а *сама смерть Беатриче*:

XXVII. [3] Si lungiamente m'ha tenuto Amore
e costumato a la sua signoria,
che sì com'elli m'era forte in pria,
così mi sta soave ora nel core.
Però quando mi tolle sì'l valore
che li spiriti par che fuggan via,
allor sente la frale anima mia
tanta dolcezza, che'l viso ne smore,
poi prende Amore in me tanta vertute,
che fa li miei sospiri gir parlando,
ed escon for chiamando
la donna mia, per darmi più salute.
Questo m'avene ovunque ella mi vede,
e sì è cosa umil, che nol si crede.

XXVIII. [1] “Quomodo sedet sola civitas plena populo! Facta est quasi vidua domina gentium”. Io era nel proponimento ancora di questa canzone, e compiuta n'avea questa soprascritta stanza, quando lo signore de la giustizia chiamò questa gentilissima a gloriare sotto la insegna di quella regina benedetta virgo Maria, lo cui nome fue in grandissima reverenzia ne le parole di questa Beatrice beata²³.

Это все, что мы узнаем от Данте по поводу смерти Беатриче, к которой он долго готовил нас. Мы уже говорили о том, что у истоков этого события находится учение блаженного Августина о Премудрости: надежда, как и Рахиль, вынуждена умереть, чтобы родилось

²³ «О, столько лет мной Бог любви владел! / Любовь меня к смиренью причала, / И если был Amor жесток сначала, / Быть сладостным он ныне захотел. / Пусть духи покидали мой предел / И пусть душа во мне ослабева-ла, / Она порою радость излучала, / Но взор мой мерк и жизни блеск слабел. / Амора власть усилилась во мне. / Царил он в сердце, духов возбуждая, / И духи, покидая / Меня, Мадонну славил во мне. / Я взор встречал, испол-ненный сиянья / Смиренного ее очарованья.

Quomodo sedet sola civitas plena populo! facta est quasi vidua domina gentium. Я только начинал эту канцону и успел закончить лишь вышепри-веденную станцу, когда Владыка справедливости призвал благороднейшую даму разделить славу Его под знаменем благословенной королевы Девы Марии, Чье имя столь превозносилось в словах блаженной Беатриче».

созерцание. В комментарии на данное место Валли подробно объясняет суть этой доктрины, ссылаясь на работу средневекового мистика Риккардо да Сан Витторе «Вениамин младший»²⁴.

Лия и Рахиль — две стороны жизни Христа: деятельная сторона — Лия, а Рахиль — созерцательная. Рахиль — надежда вечного созерцания Бога. Иаков представляет собой человеческую душу; Лия — волю, соответствующую справедливости; Рахиль — ум, проявляющийся Премудростью; Зельфа — служанка Лии, чувственность; Валла, служанка Рахили, воображение. Иаков служит семь лет у Лавана ради красоты Рахили, но получает лишь Лию. После еще семи лет служения ему дана Рахиль. От соития Иакова с каждой из двух жен и двух рабынь рождаются дети разного темперамента, которые для Риккардо да Сан Витторе представляют различные способы восприятия и понимания.

В этом тексте много интересных моментов связанных с нашей темой, начиная с толкования фигуры служанки Валлы: всякий, читавший хоть один раз «Новую жизнь», сразу заметит повторяющееся слово *imaginatione*, воображение. Однако, здесь нам интересно обратить внимание на рождение Вениамина:

И наконец, дарована благодать созерцания — Вениамин; но как только появляется последний сын — умирает Рахиль; и никто не смеет думать о возможности созерцания без смерти Рахили <...> [Вениамин–] акт чистого разума, интуиция вещей, которые не попадают под наши чувства и не смешиваются с воображениями. Вениамин рождается и Рахиль умирает: ибо так разум восхищается над собой, превосходит границы каждого человеческого доказательства и как только видит в экстазе божественный свет, человеческий разум поддается. Это и есть смерть Рахили, дающей жизнь Вениамину [F. Perez; цит. по Valli, 1994].

В свете этого отрывка незаконченное стихотворение «*Sì lungiamente m'ha tenuto Amore*» осознается как один из самых красивых моментов «Новой жизни». Становится понятно, почему кульминацией этой любви, которая в начале тяготила поэта, а сейчас стала «сладкой», должна быть именно смерть Беатриче. Становится также понятно, почему эта смерть резко прерывает слова Данте именно как факт, происходящий в момент написания. Более того, становятся понятными те загадочные причины, которые Данте приводит, чтобы оправдать свое молчание о смерти Беатриче: Данте рассказывает о сверхчув-

²⁴ См.: [Valli, 1994].

ственным событии, которое не фиксируется в памяти (1), его нельзя пересказать человеческим языком (2), его переживание отличает Данте от других людей (3).

XXVIII. [2] E avvegna che forse piacerebbe a presente trattare alquanto de la sua partita da noi, non è lo mio intendimento di trattarne qui per tre ragioni: la prima è che *ciò non è del presente proposito* (1), se volemo guardare nel proemio che precede questo libello; la seconda si è che, posto che fosse del presente proposito, ancora *non sarebbe sufficiente la mia lingua a trattare, come si converrebbe, di ciò* (2); la terza si è che, posto che fosse l'uno e l'altro, *non è convenevole a me trattare di ciò, per quello che, trattando, converrebbe essere me laudatore di me medesimo* (3), la quale cosa è al postutto biasimevole a chi lo fae: e però lascio cotale trattato ad altro chiosatore²⁵.

Валли здесь осознает, что ему незнакомо глубокое знание эзотерических традиций и не рискует точно определить состояние Данте — он говорит о «*excessus mentis*», «выходе ума», и в качестве глоссы к этим словам приводит слова малоизвестного последователя Данте, Николо де Росси, который обозначает четыре уровня этого выхода²⁶.

²⁵ «Не отрицая того, что следовало бы в настоящее время рассказать хотя бы немного о том, как она покинула нас, я не собираюсь говорить об этом здесь по трем причинам: во-первых, потому, что это (1) *не входит в мои намерения*, что станет ясным, если мы обратимся к вступлению к этой малой книге; во-вторых, если бы даже я и решил сказать о происшедшем, (2) *язык мой не был бы в состоянии повествовать так, как надлежит*; в-третьих, если бы даже отпали первые две причины, (3) *мне не приличествует говорить об этом, так как я стал бы превозносить самого себя*, что особенно заслуживает порицания; поэтому я предоставляю эту тему другому комментатору».

²⁶ «1. Detto impropriamente estasi, si ha quando qualcuno «*si astrae*» non per quanto riguarda l'atto e l'uso dei sensi, ma solo per quanto riguarda l'intenzione: «*Quam totam confert in usum superiorum vel amatorum. Et hoc est comune omnibus contemplativis*». 2. Si ha quando qualcuno si astrae dalle cose esteriori ed è introdotto in una visione immaginaria, come negli Atti degli Apostoli si dice di Pietro: «*Et factu est in exstasym mentis*», ecc. 3. Si dice più propriamente quando uno s'introduce nella visione intellettuale ove vede le cose intellettuali non per la presenza delle cose, ma per rivelazione. 4. Il più proprio di tutti, è quando la mente fuori di tutti quegli atti che sono propri degli esseri inferiori e senza che nulla si interponga tra essa e Iddio, intuisce per visione intellettuale la divina essenza». [1. Неверно названный экстазом, он имеет место, когда кто-то отрешается не в отношении действия и использования чувств, но только в отношении намерения: «Каковое происходит у богов и возлюбленных. И это общее для всех созерцающих». 2. Он имеет место, когда кто-то отрешается от внешних вещей и ввергается в созерцание об-

Мы тоже оставляем вопрос о природе духовного опыта Данте открытым, и возвращаемся к проблеме комментирования. Тот факт, что Данте здесь рассказывает о каком-то сверхчувственном опыте настолько очевиден, что никакой комментатор не в силах отрицать это. Однако, Пировано и Коломбо сохраняют некую сдержанность — оба используют условное наклонение глагола, как будто ставя свои выводы под сомнение. Коломбо пишет:

Можно только представить себе, что смерть Б. *означала бы* описание ее вознесения на небо, быть свидетелем которого — особая привилегия, даваемая по особой благодати: экстазу [Dante, 2015a, p. 143].

Пировано:

...третья причина [по которой Данте не рассказывает о смерти Беатриче, К.К.] *могла бы быть более ясной, если бы в ней можно было признать* аллюзию на II Кор. 12:1–9 <...> из комбинации двух текстов делается вывод о том, что молчание Данте есть на самом деле способ сообщить читателю, что во время смерти Беатриче, он, подобно Павлу, имел видение, о котором не говорит, дабы не кичиться той привилегией, которую он получил во время этого события [Dante, 2015, p. 228].

В комментариях Валли мы тоже видели долю сомнения. В чем разница? Дело здесь не в том, что комментатор должен быть всегда и во всем уверен. Дело в том — помогает ли комментатор пониманию смысла текста.

В течение всего рассказа читателю повторяли, что текст не совсем автобиографичен, но все же исходная точка — земная жизнь Данте, встреча с какой-то настоящей женщиной и опыт духовного обновления («новая жизнь») поэта, произошедший благодаря ей. Что значит — «можно только представить себе, что смерть Беатриче означала бы описание ее вознесения на небо»? Читатель остается в недоумении: речь идет о действительно произошедшем событии? И если

разного видения, как в Деяниях апостолов говорится о Петре: «Et factum est in extasum mentis» 3. Называется правильнее экстазом то состояние, когда кто-то ввергается в умственное видение, когда созерцает умственные вещи не благодаря присутствию вещей, а благодаря откровению. 4. Экстазом в истинном смысле называется то состояние, когда ум находится вне всех действий, которые присущи низшим существам, и ничего не отделяет его от Бога, и ум предчувствует благодаря умственному видению божественное присутствие]. Цит. по [Valli, 1994].

нет, то что Данте хочет нам этим сказать? Как это связано с названием, о какой «новой жизни» идет речь?

Есть искушение подумать, что ответ на этот вопрос зависит лишь от того, верю ли я, читатель, что подобный опыт возможен. Но дело не только в этом. Читатель в недоумении не потому, что он не верит, но потому, что критик никак не сопровождал его до этого места в повествовании и никак не подготовил его к нему. Ведь если слова о Беатриче как о надежде блаженных являются лишь гиперболизацией, непонятно, почему та же Беатриче должна быть реально вознесена на небо.

В случае комментария Валли читатель с самого начала готовился к смерти Беатриче, и поэтому он может с уверенностью принять свидетельство Данте в тексте о том, что автор пережил некий сверхчувственный опыт. У читателя возникает соответствующий вопрос: какой опыт именно пережил Данте? С этим вопросом он может заново вернуться к тексту, чтобы найти в нем те знаки, которые Валли не заметил или прочитал неправильно.

В самом конце повествования Данте будет второй раз говорит о несомненно сверхъестественном опыте²⁷: комментарии к этому месту не будут по сути отличаться от того, что мы уже видели. Есть еще многие эпизоды повествования, достойные внимания, но поскольку главные особенности комментирования мы уже обнаружили, постараемся сейчас подвести итоги.

²⁷ «XLII. [1] Appresso questo sonetto, apparve a me una mirabile visione, ne la quale io vidi cose che mi fecero proporre di non dire più di questa benedetta, infino a tanto che io potesse più degnamente trattare di lei. [2] E di venire a ciò io studio quanto posso, si com'ella sae veracemente. Si che, se piacere sarà di colui a cui tutte le cose vivono, che la mia vita duri per alquanti anni, io spero di dicer di lei quello che mai non fue detto d'alcuna. [3] E poi piaccia a colui che è sire de la cortesia, che la mia anima se ne possa gire a vedere la gloria de la sua donna: cioè di quella benedetta Beatrice, la quale gloriosamente mira ne la faccia di colui *qui est per omnia secula benedictus*» [«После этого сонета явилось мне чудесное видение, в котором я узрел то, что заставило меня принять решение не говорить больше о благословенной, пока я не буду в силах повествовать о ней более достойно. Чтобы достигнуть этого, я прилагаю все усилия, о чем она поистине знает. Так, если соблаговолит Тот, Кем все живо, чтобы жизнь моя продлилась еще несколько лет, я надеюсь сказать о ней то, что никогда еще не было сказано ни об одной женщине. И пусть душа моя по воле владыки куртуазии вознесется и увидит сияние моей дамы, присноблаженной Беатриче, созерцающей в славе своей лик Того, *qui est per omnia saecula benedictus*»].

I. <...> Sotto la quale rubrica io trovo scritte le parole le quali è mio intendimento d'assemblare in questo libello, e se non tutte, almeno la loro sentenza²⁸.

В самом начале произведения Данте объявляет, что он намерен передать нам *суть* того, что написано в его памяти. Для этого он использует слово «sententia». Дантовская энциклопедия приводит историю этого слова и его появления в произведениях Данте. Здесь в том числе говорится о проблеме «соответствия *verba* и *sententia*», вопрос, который лежит в основе первой главы «Новой жизни»:

Мысль или доктрина, переданная в тексте, ставит проблему соответствия *verba* и *sententia*, которая является чисто риторической <...> Так как трудно соотнести *sententia* с ее выражением, возникает необходимость интерпретации текста <...> *Sententia* в таком случае означает «глубокое понимание» текста, его «последнее значение». См. Roberto di Melun *Sententiae*, prolog. (ediz. R. Martin, Lovanio 1947, 11): «Понимание текста, которое называется *sententia*», Ugo di San Vittore *Didascalion* III 9, *Patrol. Lat.* CLXXVI 771d: «Повесть имеет три уровня: буквальный, чувственный и смысловой. Буквальный — это последовательный порядок высказываний, который мы также называем сочетаниями. Чувственный — это легко постигаемое и очевидное значение, которое слово выражает на первый взгляд. Смысловой — это более глубокое понимание, потому что оно не находимо ни в повествовании, ни в толковании» [*Enciclopedia Dantesca*: *sentenza*].

В «Новой жизни» помещена сентенция, т.е. глубокое понимание текста, его высший, последний смысл, который не совпадает с повествованием. Данте постоянно призывает читателя обращать внимание на последовательность повествования, структуру стихотворения, и постоянно настаивает на том, что понять его слова не просто. То есть, он постоянно подчеркивает тот факт, что его рассказ направлен к определенной цели. Итак, я бы хотела поставить перед нашими комментаторами вопрос о том, каков же смысл текста, его глубокое понимание, т.е. в чем заключается *sententia* слов Данте. Пировано пишет:

²⁸ «Под этим заглавием я нахожу записанными слова, которые я намереваюсь передать в этой книжке, если и не все, то, по крайней мере, суть их».

Вокруг исторически проверяемого своими первыми читателями-согражданами факта, [Данте] задумывает изображение правдоподобной истории исключительной любви к женщине, страсти настолько сильной и глубокой, что она выходит за пределы смерти самой возлюбленной и очерчивает след поэтического путешествия по поиску собственной оригинальности, говоря о любви как бы в рифму [Dante, 2015, p. 5].

Он намерен поведать свой собственный опыт жизни, который приводит к глубокому его обновлению как человека и как поэта благодаря постепенному открытию более высокой и благородной формы любви, *agape* или *caritas*, которая никогда не перестает [Dante, 2015, p. 9].

Итак, путь Данте в «Новой жизни» — это, с одной стороны, описание своего любовного опыта, который вырастает из эроса²⁹ и дорастает до бескорыстной любви («*agape*» или «*caritas*»), а с другой стороны, рождение новой теории поэзии.

Толкование Коломбо похоже на Пировано, поскольку она тоже подчеркивает существование двух уровней — поэтического и экзистенциального. Кроме того, она настойчиво предлагает аналогическую связь между приземлённым и божественным уровнями рассказа, утверждая, что для человека Средневековья человек — образ Божий. В ее комментарии чувствуется тайна «Новой жизни», которая у Пировано совершенно отсутствует, однако множество цитат и ссылок не помогают разъяснению этой тайны. Точкой опоры для комментирования остается поток событий чувственной жизни Данте, и метафизический план рассказа читатель воспринимает буквально как *второй* уровень событий, как будто Данте его добавил впоследствии.

Первое утверждение Пировано является самым распространённым толкованием «Новой жизни», которое он разделяет не только с Коломбо. Однако в самом произведении нет никакой текстуальной основы, чтобы говорить о том, что суть рассказа — это путь от *eros* к *agape* или *caritas*. В «Новой жизни» слово *caritas* в вульгарной форме *caritade* появляется лишь один раз, при этом оно описывает не каче-

²⁹ Пировано особым образом настаивает на болезненной природе чувств Данте. Самое крайнее выражение подобного восприятия и толкования текста находим у другого современного критика, С. Каррай [Dante, 2009]: «In breve, si tratta della storia di una penosa malattia d'amore risoltasi nell'acquisizione di una nuova consapevolezza di sé e della natura del proprio sentimento».

ство отношения Данте и Беатриче, а то чувство к другим людям, которое рождается в сердце Данте при встрече со своей женщиной³⁰.

Данте в течение всего рассказа использует только одно понятие любви, слово *amore*, которое (в большинстве случаев в форме *Amore*) появляется 104 раза вплоть до последнего стихотворения, где именно *Amore* с большой буквы дарит поэту «новое разумение»³¹. Вспомним, что в среде любовной поэзии Средневековья было принято толковать слово *amore* через *альфу привативум*, выражающее отрицание: любовь — ключ к бессмертию³².

По мнению Валли, Данте в книге рассказывает об истории своей любви к Божественной Премудрости: с этой точки зрения, любовь и есть ключ к пониманию произведения — с первого до последнего ее появления в рассказе. Об этой любви Данте говорит символическим языком, потому что другого языка для передачи подобного содержания нет. Библиейские цитаты, отголоски богословского дискурса присутствуют в тексте именно потому, что они содержат учение, присущее христианской доктрине. Текст обращен к конкретной группе людей, к «Верным любви», которым Данте хочет рассказать о своих достижениях на пути посвящения. Среди этих достижений самое главное — смерть Беатриче-Рахили, то есть исполнение надежды созерцания. Гипотеза Валли основывается на доказательствах, которые он находит не только в «Новой жизни», но и во всей итальянской любовной поэзии Средневековья.

В комментариях Пировано и Коломбо приводятся множество ценной информации — однако их непрочтение сути «Новой жизни» не только делает эту ценную подборку материалов бесплодной, — оно также становится препятствием для читателя, который лишен права задавать вопросы.

Прочтение Валли, наоборот, способно объяснить темные места в тексте и породить плодотворные пути истолкования. Оно не только объясняет и придает ценность тому, что обнаружили другие критики, в том числе цитатам и реминисценциям — из него рождаются новые вопросы, позволяя читателю углублять или даже ставить под вопрос выводы самого критика.

³⁰ «XI. [1] <...> mi giugnea una fiamma di caritate, la quale mi faceva perdonare a chiunque m'avesse offeso» [«пламя милосердия охватывало меня, заставляя прощать всем меня оскорбившим»].

³¹ «XLI. [10] Oltre la sfera che più larga gira, / passa 'l sospiro ch'esse del mio core: / intelligenza nova, che l'Amore / piangendo mette in lui, pur sù lo tira» [«За сферой предельного движенья / мой вздох летит в сияющий чертог. / И в сердце скорбь любви лелеет Бог / для нового Вселенной разуменья»].

³² См. [Guenon, 1997]; [Ricolfi, 1933]; [Evola, 2001].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Данте, 1967 — *Алигьери Д.* Божественная комедия / пер. М. Лозинского. М.: Наука, 1967. 627 с.

Данте, 1968 — *Алигьери Д.* Малые произведения / под ред. И.Н. Голенищева-Кутузова. М.: Наука, 1968. 670 с.

Barberino, 1905–1927 — *Barberino F.* I documenti d'amore di Francesco da Barberino secondo i manoscritti originali. In 4 volumi / a cura di F. Egidi. Roma: Società filologica romana, 1905–1927.

Dante, 1932 — *Alighieri D.* La vita nuova / edizione critica per cura di Michele Barbi. Edizione nazionale delle opere di Dante. Società Dantesca Italiana. Firenze: Bemporad, 1932. CCCIX + 177 p.

Dante, 2009 — *Alighieri D.* Vita Nova / a cura di Stefano Carrai. Milano: BUR Rizzoli, 2009. Ebook.

Dante, 2015 — *Alighieri D.* Vita Nuova, le Rime della Vita Nuova e altre rime del tempo della Vita Nuova / a cura di Donato Pirovano e Marco Grimaldi. Roma: Salerno Editrice, 2015. LXXIV + 803 p.

Dante, 2015a — *Alighieri D.* Vita Nuova / a cura di Manuela Colombo. 6 Ed. Milano: Feltrinelli, 2015. 184 p.

Enciclopedia Dantesca — Enciclopedia Dantesca Treccani / Istituto dell'Enciclopedia Italiana 1970–1978. URL: http://www.treccani.it/enciclopedia/elenco-opere/Enciclopedia_Dantesca (дата обращения: 15.04.2022).

Evola, 2001 — *Evola J.* Oriente e occidente. Le collaborazioni a East and West, 1950–1960. Roma: Edizioni mediterranee, 2001. Ebook.

Guenon, 2014 — *Guenon R.* Sull'esoterismo cristiano. Milano: Luni Editrice, 2014. 128 p.

Pascoli, 1913 — *Pascoli G.* La mirabile visione. Abbozzo d'una storia della Divina Comedia. Bologna: N. Zanichelli, 1913. 620 p.

Ricolfi, 1997 — *Ricolfi A.* Studi sui fedeli d'Amore. Foggia: Bastogi, 1997. 306 p.

Valli, 1994 — *Valli L.* Il linguaggio segreto di Dante e dei fedeli d'Amore. Milano: Luni Editrice, 1994. 704 p. URL: <https://www.liberliber.it/online/autori/autori-v/luigi-valli/il-linguaggio-segreto-di-dante-e-dei-fedeli-damore/> (дата обращения: 15.04.2022).

Впервые опубликовано: *Корбелла К.* «Если не все [слова], то, по крайней мере, суть их»: сравнительный анализ комментариев к «Новой жизни» Данте // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2018. № 4. С. 168–193. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2018-4-168-193>